

RU

Образы декабристов в советских пьесах, созданных к 100-летию восстания 1825 года

Крутько К. И.

Аннотация. Цель исследования – выявление специфических черт, составляющих образы декабристов в советских пьесах, созданных к 100-летию восстания 1825 года, а также проверка их на соответствие историографическим тенденциям эпохи. В статье рассматриваются драматургические произведения, написанные в 1920-х годах, такие как «Николай I: декабристы» (1923) Н. Н. Лернера, «Декабристы» (1923) А. Айно и «Декабристы» (1925) М. С. Яхонтовой, в контексте формирования концепции декабризма. Исследование включает анализ ключевых персонажей и их характеристик, а также выявление влияния советской идеологии на интерпретацию исторических событий. Научная новизна состоит в рассмотрении пьес о декабристах в контексте актуализации этих образов в связи с юбилеем 1925 г., а также в применении для их анализа семиотической теории. В результате исследования установлено, что декабристы стали важным элементом в построении интернациональной революционной советской идентичности.

EN

Images of the Decembrists in Soviet plays written for the centenary of the 1825 Uprising

K. I. Krutko

Abstract. The objective of this study is to identify the distinctive characteristics that constitute the images of the Decembrists in Soviet plays composed for the centenary of the 1825 uprising, and to examine their alignment with the historiographical trends of the era. The article analyzes dramatic works written in the 1920s, such as N. N. Lerner's "Nikolai I: Decembrists" (1923), A. Aino's "Decembrists" (1923), and M. S. Yakhontova's "Decembrists" (1925), within the context of the formation of the Decembrist concept. The research involves analyzing key characters and their attributes, as well as identifying the influence of Soviet ideology on the interpretation of historical events. The scholarly novelty lies in examining the plays about the Decembrists within the context of the actualization of these images in connection with the 1925 anniversary, as well as in applying semiotic theory to their analysis. The research concludes that the Decembrists became an important element in the construction of an international revolutionary Soviet identity.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью заполнения лакуны в изучении произведений драматургии о декабристах, появившихся в период подготовки к юбилею и в самом 1925 г. Обращение к пьесам, написанным Ad Decabristiana – т. е. к юбилею Восстания декабристов, – интересно, поскольку, во-первых, в 1920-х гг. еще не существовало единой концепции декабризма, а во-вторых, в этой работе фокус внимания на пьесы как на одну из единиц театральной системы обусловлен, с одной стороны, следованием семиотической концепции французского философа Р. Барта (2008, с. 65), согласно которой театр кодируется в качестве знаков, несущих в себе сообщение – одним из них выступает и пьеса (такую зашифрованную информацию ученый называет «письмом»). С другой стороны, работа обращается к модели нарративной идентичности, предложенной П. Рикером (Ricoeur, 1990). По мнению философа и историка, идентичность приобретает человека через взаимодействие с целой системой нарративов – формирование личной идентичности невозможно без обращения к культурным ресурсам (Ricoeur, 1990, р. 140). Представляется, что эта теория удобна, так как позволяет выявить те черты идентичности, которые транслировались авторами рассматриваемых нами произведений посредством конструирования определенной исторической фабулы, создания антагонистов и протагонистов, а также идей и образов, которые контекстуально, в рамках нарративной линии, представляются реципиенту театрального сообщения справедливыми.

Несмотря на малоизученность темы, отдельные аспекты празднования юбилея восстания в 1925 г. рассматривают отечественные декабристоведы: это и носящая общий характер статья В. В. Бахтурина (2021), и посвященная отражению коммеморации в периодике работа О. И. Киянской и Д. И. Булдаковой (2018), а также публикация О. А. Плех (2024), сосредоточившейся на научной полемике. Актуальность обращения к изучению того, как праздновали 100-летие восстания на Сенатской площади, в связи уже с 200-летием подтверждается докладом ведущего специалиста Государственного архива Российской Федерации О. В. Эдельман (2025), которая подчеркнула в нем, что с 1924 г. началось настоящее изучение декабристов.

Все рассматриваемые нами авторы стремились решить одну и ту же проблему – творческий поиск способа репрезентации декабристов таким образом, чтобы историческая действительность не вступала в противоречие с актуальностью для зрителя, с идеологией. Свидетельством этого конфликта могут служить и заметки на страницах ведущих театральных журналов в этот период: нарком просвещения А. В. Луначарский (1924), в частности, отмечал, что неправильно думать, что исторические пьесы непригодны для рабочих масс, ведь «коммунистическая героическая историческая драма – одна из целей театра».

Для достижения цели исследования нужно решить следующие задачи:

- составить выборку пьес, написанных к юбилею Восстания декабристов 1925 г.;
- изучить образный ряд, представленный в выбранных пьесах;
- проанализировать, соответствовала ли репрезентация декабристов в рассматриваемых пьесах историографическим тенденциям эпохи.

Материалом для исследования стали драматургические произведения – пьесы, написанные в 1920-х гг.:

- Айно А. Декабристы. Краснодар: Буревестник, 1923.
- Лернер Н. Н. Николай I: декабристы. М.: Русское театральное общество, 1923.
- Яхонтова М. С. Декабристы. М. – Л.: Государственное издательство, 1925.

Кроме того, использовались архивные источники и материалы периодической печати, посвященные исторической драматургии:

- Блюм В. Историческая пьеса и окрестности: статья // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 614. Оп. 1. Д. 49.
- Бродский Н. И. Декабристы в русской драматургии // Жизнь трудящихся. 1925. № 57. 29 декабря.
- Верховский М. Робеспьер // Фонд газетно-журнальных вырезок Театральной библиотеки. Александринский театр. 1931 (январь – июнь). <https://clck.ru/3GSMM7>.
- Провинциальная летопись // Театр и музыка. 1922. № 12. 19 декабря.

Отдельно стоит отметить труды В. И. Ленина и А. В. Луначарского, поскольку они представляют собой источник, необходимый для понимания эпохи и процесса формирования пантеона исторических героев:

- Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1969. Т. 25.
- Ленин В. И. Памяти Герцена // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд-е 5-е. М.: Политиздат, 1968. Т. 21.
- Луначарский А. В. Ленин о монументальной пропаганде // Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления // Литературная газета. 1933. 29 января.
- Луначарский А. В. Несколько заметок о современной драматургии // Жизнь искусства. 1924. № 46.

К исследованию также привлекались сведения электронного ресурса театра, в котором ставилась одна из рассматриваемых пьес:

- История Брянского театра драмы // Брянский театр драмы. https://www.brtd.su/teatr_istoriya.php.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области изучения исторической памяти (Анкерсмит, 2007), театроведения (Schechner, 2004; Гудкова, 2008), а также семиотической концепции искусства (Барт, 2008).

В данной работе драматургические тексты рассматриваются сквозь призму такого метода, как теория перформанса современного американского театроведа Р. Шехнера (Schechner, 2004). Ученый вводит понятие скрипта – это более-менее четко сформулированный план традиционного события, который вырабатывается в ходе повторений. Декабристский миф (определение американской исследовательницы Л. Тригос (Trigos, 2009)) – это именно такое событие, что воплощается в многочисленных интерпретациях восстания декабристов, в стремлении закрепить его в коллективной памяти граждан СССР посредством коммеморативных действий. Однако основной сюжет скрипта – не действия декабристов, а становление советского государства, так как через обращение к 1825 г. определяется место Октябрьской революции в общеисторическом процессе.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что результаты исследования могут быть использованы в научных работах, посвященных вопросам исторической памяти и мифологии. Выявление знаковых черт репрезентации декабризма в драматургии поможет углубить понимание того, как исторические события и фигуры становятся частью культурного нарратива и как они используются для формирования общественного сознания, что актуально в контексте современных дискуссий о прошлом и его влиянии на настоящее.

Обсуждение и результаты

Революция 1917 г. разрушила прежнюю систему общественных отношений и потребовала формирования новой идентитарной модели советской России. Для любой идентитарной модели едва ли не ключевыми являются

представления о прошлом. Переосмысляя имперскую модель идентичности и переформируя «дореволюционное советское прошлое», идеологи социально-культурного строительства, ориентировавшиеся на идеалы мировой революции и пролетарского интернационализма, предлагали создать мультикультурный пантеон героев восстаний и революций.

Голландский историк Ф. Анкерсмит (2007) называет такие условия возвышенным историческим опытом: именно он приводит государства к переосмыслению собственного прошлого. Интенция к мифологизации прошлого была задана еще В. И. Лениным и утверждена в декрете Совнаркома «О памятниках республики...». В список тех, кого надо увековечить, вошли «великие люди в области революционной и общественной деятельности» – здесь и Спартак, и Разин, и французские революционеры, и народовольцы (Луначарский, 1933, с. 1).

Особое место среди предшественников большевиков занимали декабристы, которые неоднократно подвергались оценке в трудах В. И. Ленина. В дореволюционной статье «Памяти Герцена» (1912) он писал о декабристах, что «страшно далеки они от народа» (Ленин, 1968, с. 261). А в статье 1914 г. «Из прошлого рабочей печати в России» продолжил эту мысль, отмечая, что было три главных этапа освободительного движения в России и определяя декабристов и Герцена как самых выдающихся деятелей первого периода (Ленин, 1969, с. 93-101). Несмотря на то, что официальный советский взгляд на декабристов найдет окончательное выражение только в концепции М. В. Нечкиной конца 1940-х гг. (Сафонов, 2015), высказывания вождя революции позволяют декабристам уже в 1920-х гг. стать важным «конституирующим другим», с которым сравнивали себя большевики.

Особенную роль в этом сыграл двойной юбилей в 1925 г. – 100-летие восстания на Сенатской площади и 20-летие первой русской революции 1905 г. Комmemорации вообще играют важнейшую роль в формировании идентичности. В контексте 100-летнего юбилея 1925 г. самый очевидный итог его празднования – создание настоящей Вавилонской башни разного рода текстов о декабристах и про декабристов: это и труды историков (Бунт декабристов..., 1926), и произведения писателей, и пьесы советских драматургов, и появления героев 1825 г. на экране и сцене.

Нерешенность в 1920-е гг. вопроса о выработке скрипта, который определил бы основные сценарии для исторической драматургии, впоследствии будет неоднократно отмечаться. Даже при появлении отдельных знаковых произведений критики апеллировали к тому, как бедна предшествующая историческая драматургия: так, в 1931 г. в рецензии на спектакль «Робеспьер» М. Верховский (1931) пишет, что Ф. Раскольников сумел «начисто отказаться от всевозможных дурных традиций исторической и псевдо-исторической драматургии», а В. Блюм, уже в 1939 г. оценивая раннесоветскую драматургию, констатирует разрыв в ней социализма и истории: «Читателю-зрителю, бегущему за историческими знаниями в театр... совершенно необходимо сделать поправку на перегиб... пьес» (РГАЛИ, ф. 614, оп. 1, д. 49, л. 5). Характерно, что современный исследователь советского театра 1920-х – начала 1930-х гг. В. В. Гудкова (2008, с. 414-415) даже не включает в свою типологию отечественной драмы исторические пьесы, хотя отдельный раздел посвящает ощущению истории и времени персонажами, резюмируя, что для героев «истории больше нет».

Для анализа образа декабристов, формировавшегося в раннесоветской драматургии, были отобраны следующие пьесы, которые были написаны авторами в преддверии юбилея или в 1925 г. Это «Николай I: Декабристы» Н. Н. Лернера (1923), «Декабристы» А. Айно (1923), «Декабристы» М. С. Яхонтовой (1925). В 1925 г. в декабрьском выпуске журнала «Искусство трудящимся» вышла статья «Декабристы в русской драматургии» критика Н. И. Бродского (1925). Эпитет «русская» автор употребляет не случайно – он показывает, что до революции 1917 г. тема декабристов не была освещена на театральных подмостках. Среди спектаклей, вышедших к 1925 г., он называет пьесы Н. Н. Лернера, М. С. Яхонтовой и А. Айно, давая каждой из них оценку (Бродский, 1925, с. 3-4). Это одновременное упоминание обосновывает репрезентативность рассматриваемых произведений, поскольку все они могли одновременно читаться театральными деятелями и широкой публикой. Отметим, что не все эти пьесы получили воплощение на сцене: произведение Н. Н. Лернера неоднократно удостаивалось постановок (История Брянского театра драмы; Провинциальная летопись, 1922, с. 320), а пьеса М. С. Яхонтовой была поставлена лишь единожды в театре Замсовета («Кровь на снегу»).

Автор каждой пьесы, подчеркивая положительное значение самого «зачинания» революционной традиции в России, решает для себя проблему отношения к ее деятелям – кого из декабристов сделать протагонистами своего произведения, какие образы, способные заставить сопереживать читателя, выдвинуть на первый план – поскольку в историографии не было единой трактовки декабризма. Поэтому объединяющим критерием анализа драматургических текстов можно считать характер их выбора, который был сделан в русле одной из историографических трактовок 1920-х гг. Сделанный выбор проявлялся в демонстрации того, что декабристы действительно были отдалены от народа, но у каждого из драматургов конкретные персонажи «менее отдалены» (а значит – ближе революционерам Октября), чем другие.

Для начала обратимся к пьесе Н. Н. Лернера – одного из самых плодотворных авторов изучаемой эпохи. У его произведения два названия «Николай I» и «Декабристы». В центре сюжета – подготовка Северного общества к восстанию. О событиях же 14 декабря мы узнаем опосредованно – через ответы некоторых из участников выступления на вопросы жены Рылеева, Натальи Михайловны, об успехе предприятия. Сосредоточимся на ключевых образах произведения: акцент сделан на таких фигурах, как Каховский, Рылеев и Трубецкой.

Лейтмотивом всего произведения выступает неприязнь Каховского к Трубецкому – на собрании у Рылеева Каховский называет Трубецкого «рыхлым и гнилым аристократом», а Трубецкой в ответ называет его «нищим дворянином» (Лернер, 1923, с. 15). Автор демонстрирует нам и осторожную, умеренную позицию

Трубецкого – он готов к республике, но не к демократии, что для советского читателя воспринимается как связанные понятия (Лернер, 1923, с. 14). Представляется, что образ Каховского как протагониста формируется через бинарную оппозицию Трубецкому и призван вызвать симпатию советских людей. Далее в разговоре с крепостной Сашей Каховский задается вопросом: «Разве вы не видите несправедливости в том, что существуют сословия, что у нас в России люди делятся на господ и рабов?» (Лернер, 1923, с. 18). Получается, что человек, готовый пойти на цареубийство, здесь выступает воплощением идеалов свободы – на него, в отличие от Трубецкого, хочется быть похожим. Более того, несколько анахронистически Каховский называет Трубецкого врагом народа, а «в России революция должна свершиться только народом и для народа» (Лернер, 1923, с. 33). Каховский способен брать ответственность перед потомками – «нашим бездействием мы покрыли себя позором, потомки нам этого никогда не простят» (Лернер, 1923, с. 40). Именно в пользу Каховского как героя-революционера делает выбор Н. Н. Лернер.

Образ же Трубецкого как труса и предателя был закреплен еще при Николае I – «Донесениями следственной комиссии» (Восстание декабристов..., 1980, с. 58), поскольку там подчеркнуто, что в ходе восстания Трубецкой проявлял нерешительность. Дальнейшее развитие образа Трубецкого в историографии детально описано в ряде исследований (Павлова, 1983; Готовцева, Киянская, 2011), однако здесь можно отметить характеристику этого героя как «гнилого» человека в рассказе советской писательницы Л. М. Рейснер, которую дублирует Н. Н. Лернер. В советское время образ предателя обрывает новыми характеристиками, позже закрепленными историком Н. М. Дружининым, – важным здесь становится классовый антагонизм внутри Северного общества – неравное имущественное положение и социальный статус.

В образе Рылеева, заблуждающегося насчет Трубецкого и недостаточно решительного, тем не менее мы снова видим служителя основных идеалов революции, ведь этот герой на первое место ставит не свои личные интересы, а общественное благо. «Если будущее народа, – говорит он супруге, – родины моей, требует самопожертвования... то надо это сделать без сожаления». На формирование схожих черт идентичности направлен и образ Пестеля, который говорит императору на допросе, что «умереть за родину – подвиг» (Лернер, 1923, с. 89). Несмотря на несогласие со многими действиями этих героев (например, с фактом, что Рылеев принял Трубецкого в общество), важны не они сами, а их стремление к свободе.

В пьесе А. Айно «Декабристы» акцент ставится уже не на Северное, а на Южное общество, и на первый план выходят Пестель, Лунин и Сергей Муравьев-Апостол. Благодаря предисловию мы точно знаем источники вдохновения драматурга – это исследования М. Н. Покровского и В. И. Семевского (Покровский называл работы последнего справочником (Гаврилов, 2008, с. 107)): идея выбора героев в лице П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола созвучна сформировавшейся в это время позиции М. Н. Покровского о близости идеологии Южного общества – большевикам, а Северного – меньшевикам (Цамутапи, Белоусов, 2015).

Сосредоточимся на образе Лунина. Уже при первом своем появлении он дает негативную характеристику Северному обществу – оно «засасывает, как болото» (Айно, 1923, с. 29). Он – сторонник незамедлительных действий: «...перешарить всю Русь, передуть всех Романовых» (Айно, 1923, с. 32). Подробнее о направленности таких репрезентаций характеристик героя будет сказано далее, однако одна фраза Лунина делает его гораздо более радикальным, чем его собеседник, и более близким советскому читателю 1920-х гг. – он называет себя «гражданином Вселенной», в чем изобличает такую идейную основу своих воззрений, как некий прообраз будущего интернационализма и ориентацию на мировую революцию.

Также автор создает целостный образ Пестеля на контрасте с Северным обществом. Пока Рылеев провозглашает, что «свобода не должна быть добыта насилием» (Айно, 1923, с. 12) и он готов ждать естественной смерти государя, Пестель сразу же показывает себя человеком деятельным и решительным: он ставит перед собеседником дилемму: «...а ежели и насильственная смерть государя окажется надобной...» (Айно, 1923, с. 15). Характерно, что в устах Рылеева такое слово, как «якобинец», – это оскорбление Пестеля, поскольку в тексте постоянно подчеркивается, что Северное общество ориентируется на более умеренные революции, чем Французская, – это проявляется в портрете Риго и в упоминании конституции кортесов (Айно, 1923, с. 5, 14). А тем временем в СССР в 1918 г. в честь Марата, одного из самых ярких якобинцев, называется одна из улиц, что, разумеется, сразу показывает разрыв между более близким к деятелям Октября Пестелем и слишком умеренным Рылеевым.

Более того, Пестель по-большевистски заявляет, что необходимо отдать землю крестьянам (Айно, 1923, с. 16). Проект Конституции Рылеева он называет «аристократией богатств», что, вероятно, можно рассматривать как некий синоним капитализма, чьим критиком и выступает Пестель, которого его сподвижники называют спартанцем в быту (Айно, 1923, с. 20). Здесь происходит дополнительная легитимация революционных действий большевиков: восстание, начатое Северным обществом, действующим нерешительно, провалилось, что предвидел Павел Иванович.

В пьесе М. С. Яхонтовой действие также происходит на Юге, и помимо декабристов С. И. Муравьева-Апостола и П. И. Пестеля появляются такие персонажи, как солдаты Черниговского полка – Спасенихин, Щур и Гульбин. Впоследствии критики по-разному оценили этот ход. Так, Н. И. Бродский видел в этом прогресс драматургической репрезентации восстания: «...в полном согласии с современной научной переоценкой декабрьского движения выдвинуто Южное общество как подлинно революционное... и в согласии с главной темой наших дней о движущей силе исторического процесса представлена... рядовая солдатская масса» (1925, с. 4). Напротив, И. Крути (1928, с. 346) писал, что ошибкой было бы думать, что солдатам в пьесе отведено большее место, чем идеологам декабризма.

Тем не менее представляется, что появление солдат значительно отличает произведение М. С. Яхонтовой от других. Через взаимодействие с солдатами формируется целостный образ С. И. Муравьева-Апостола.

В первой же сцене мы застаем его и Бестужева за уроком письма, преподаваемым солдатам. Они учат Спасенихина, Гульбина и Пашкова ключевым словам, необходимым для формирования представлений о свободе, – Брут, республика (Яхонтова, 1925, с. 9). То есть здесь мы уже видим не людей, которые только строят планы о революции, – это люди, которые занимаются народным просвещением, уже осознавая, что нужно воспитывать самосознание солдат. Здесь также мы снова видим антагонизм Северного общества и Южного общества, явно отсылающий к позиции М. Н. Покровского: узнав о начале восстания, С. И. Муравьев-Апостол произносит следующее: «Революцию начали те, кто и не думал начинать» (Яхонтова, 1925, с. 73), и, несмотря на понимание провала Восстания 14 декабря, он говорит далее: «Пусть неудачи наших товарищей не смущают нас. Один тиран умер, не будем рабами другого» (Яхонтова, 1925, с. 78). Именно благодаря решительности С. И. Муравьева-Апостола он уже выступает как предшественник революционеров, об этом свидетельствует следующая фраза: «...первый удар редко бывает смертельным, но его необходимо нанести» (Яхонтова, 1925, с. 87).

Несмотря на то, что образы самих солдат не даны столь целостно, как вождей восстания, здесь мы видим, как с помощью репрезентации этих персонажей появляется интенция к воспитанию таких черт идентичности, как социальная ответственность, стремление к благу народа не на словах, а на деле. Подчеркивается связь движения декабристов с другими движениями за свободу – апелляция к Бруту и к тому, что это не последний удар по тирании и деспотизму. Одновременно и декабристы, и Брут, и создатели советского государства вписываются в единый контекст мировой революционной интернациональной истории.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Из анализа произведений следует, что декабристы стали важным элементом советской мифологии, символами борьбы за свободу и справедливость. Через призму пьес Н. Н. Лернера, А. Айно и М. С. Яхонтовой выявлено, как авторы стремились создать образы, соответствующие идеалам нового советского общества. Образы декабристов отражали отношение к прошлому и служили инструментом для формирования новой идентичности. Исследование образов декабристов в советской драматургии не только обогащает понимание исторической памяти, но и раскрывает роль театра как средства коммуникации и репрезентации культурных нарративов. В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать изучение эволюции репрезентации исторических деятелей на советской театральной сцене разных лет.

Источники | References

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
2. Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический Проект, 2008.
3. Бахтурин В. В. Столетний юбилей Восстания декабристов в социокультурном контексте 20-х годов XX века // Ученые записки Казанского университета. 2021. № 6.
4. Бунт декабристов: юбилейный сборник 1825–1925 / под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Л.: Былое, 1926.
5. Восстание декабристов: материалы по истории восстания декабристов. М.: Наука, 1980. Т. 17.
6. Гаврилов С. В. Научное наследие В. И. Семевского в советской историографии // Новый исторический вестник. 2008. № 17.
7. Готовцева А. Г., Киянская О. И. «Человек, заслуживающий доверия»: Князь Сергей Трубецкой в заговоре и на службе // Россия XXI. 2011. № 12.
8. Гудкова В. В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920–1930-х гг. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
9. Киянская О. И., Булдакова Д. И. Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 11 (44).
10. Крути И. Кровь на снегу // Современный театр. 1928. № 17.
11. Павлова В. П. Декабрист С. П. Трубецкой // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1983. Т. 1.
12. Плех О. А. Юбилей восстания декабристов на страницах научных журналов середины 1920-х гг. // Россия XXI. 2024. № 1.
13. Сафонов М. М. Из истории создания советской концепции восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. 2015. Вып. 4.
14. Цамутапи А. Н., Белоусов М. С. 190-летие Восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. 2015. Вып. 4.
15. Эдельман О. В. Декабристы. 100 лет изучения (1924–2024): доклад // Высшая школа экономики. 2025. <https://www.hse.ru/rrh/news/966426215.html>
16. Ricœur P. Soi-même comme un autre. P.: Point-Seuil, 1990.
17. Schechner R. Performance Theory. L. – N. Y.: Taylor & Francis e-Library, 2004.
18. Triglos L. A. The Decembrist Myth in Russian Culture. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009.

Информация об авторах | Author information

Крутько Ксения Игоревна¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Kseniya Igorevna Krutko¹

¹ Saint Petersburg State University

¹ ksyushenka.krutko@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.02.2025; опубликовано online (published online): 24.03.2025.

Ключевые слова (keywords): образы декабристов; советская драматургия; историческая память; театральная репрезентация; советская идентичность; images of the Decembrists; Soviet dramaturgy; historical memory; theatrical representation; Soviet identity.